

Къ свѣдѣнію Тамбовскаго настырства.

По святой нашей Руси не мало путешествуетъ разнаго рода странниковъ и странницъ, которые живутъ доброхотнымъ иждивеніемъ нашего милостиваго православнаго народа, всегда съ особенною любовью ихъ принимающаго, какъ дорогую меньшую братію Христову. А между тѣмъ изъ этой меньшей братіи встрѣчаются лица часто не только безнравственнаго поведенія, но даже и лица неправославные, поставившіе своею задачею завербовать себѣ изъ среды православнаго народа какъ можно болѣе единомысленниковъ чрезъ тайную пропаганду содержимой ими самими секты, или того или другого старообрядческаго толка. Несомнѣнно, такіе бродячіе пропагандисты приносятъ самое великое зло православію; они какъ бы невидимо отторгаютъ отъ Церкви ея членовъ, вносятъ смуту и раздоръ въ семейную жизнь крестьянина, зараждаютъ семена религіознаго раздиранія въ приходѣ, колеблютъ настырскій авторитетъ православнаго духовенства, иногда успѣваютъ даже внушить простому и довѣрчивому народу социалистическія бредни. И что всего печальнѣе — самъ то нашъ народъ, великій Боголюбецъ этихъ странниковъ, по своей малограмотности и непросвѣщенной добротѣ не можетъ разобраться и въ томъ злѣ, которое причиняютъ ему эти ужасные люди, и въ самой неблагонадежности этихъ темныхъ личностей. При томъ же они дѣйствуютъ такъ хитро и такъ искусно, такъ скрываютъ свою истинную фізіономію, такъ смиренничаютъ, такъ умѣютъ хоронить концы въ воду — и такіе они тонкіе агитаторы, что ихъ трудно бываетъ узнать иногда неосмотрительному священнику, а не только простому народу. Это дѣйствительно — волки въ овечьей шкурѣ, — а какъ ихъ много развелось у насъ на Руси въ настояще неустойчивое время.

Я, напримѣръ, хотъ православный священникъ, а вовсе не думалъ никогда, что существуютъ на свѣтѣ хлыстовскіе

бродячіе странники, которые разносят по святой Руси свои хлыстовскія бредни. Недавно мнѣ раскрылъ глаза одинъ мой прихожанинъ, человѣкъ крѣпко-религіозный и свѣдущій въ въ Священномъ Писаніи. Къ этому любителю Слова Божія нѣсколько лѣтъ ходилъ одинъ странникъ, нѣкто Филиппъ Филипповъ, часто проживающій въ деревнѣ Тютчевѣ, Б. у., человѣкъ съ виду очень почтенный и любящій побесѣдовать о Божественномъ, и къ тому же исправный исполнитель церковныхъ требованій и обрядовъ. Много и часто этотъ таинственный человѣкъ бееѣдовалъ съ моимъ прихожаниномъ о православномъ ученіи и воплощеніи Христа Спасителя, и только очень недавно, когда успѣлъ зарекомендовать себя своему собесѣднику видимо съ хорошей стороны, открылся ему, что содержитъ иное ученіе, иную вѣру, и называется постникомъ (хлыстомъ), что онъ посвятилъ себя странничеству съ цѣлью распространенія постничества, тайно содержаго имъ и его единомыслениками, и весьма хвалилъ предъ своимъ собесѣдникомъ свою тайную вѣру. Онъ говорилъ, между прочимъ, что для соблюденія внѣшности и въ предупрежденіе задержанія похоронъ его, въ случаѣ внезапной смерти, причащается во многихъ церквахъ, — только для соблюденія внѣшней формы, и общался даже пріобщаться какъ —нибудь у насъ въ приходскомъ храмѣ, — очевидно, теперь придется быть на сторожѣ, чтобы не пріобщить какъ либо еретика. Но собесѣдникъ Филиппа Филиппова оказался человѣкомъ крѣпкимъ въ своемъ упованіи, и своимъ умѣньемъ справляться съ библейскимъ текстомъ очень удачно отбилъ у постника всякую охоту превозносить свою тайную вѣру и хулить — православіе. Но вѣдь будь православной прихожанинъ мой человѣкомъ, не свѣдущимъ съ Словомъ Божиимъ, бродячій хлыстъ легко бы могъ увлечь его въ свою хлыстовскую вѣру. И несомнѣнно, что этотъ бродячій хлыстовскій миссіонеръ, этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ, не мало на своемъ вѣку похитилъ безхитростныхъ овецъ изъ ограды

православныхъ приходоѡ. Нужно сказать, что этотъ старикъ — хлыстъ, очевидно, взялъ съ моего прихожанина клятву никому не говорить объ имени и фамилиі его, потому что прихожанинъ въ разговорѣ со мной не согласился сказать мнѣ имени и фамилиі хлыста имя; и отчество его я узналъ изъ другихъ устъ, а фамилиі такъ и вовсе не могъ узнать. Очевидно, старикъ ловко умѣетъ хоронить концы въ воду, такъ что близкіе люди къ нему не знаютъ его фамилиі, вѣроятнѣе всего — изъ боязни нарушить клятву.

Другой мой бывшій прихожанинъ, по занятіямъ красноярдецъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ однажды пригласилъ къ себѣ напиться чаю одного странника, говорившаго, что онъ возвращается изъ Сарова. И представьте себѣ, этотъ странникъ наговорилъ моему красноярцу, что около Сарова де поставленъ карантинъ на двадцать де верстъ кругомъ и что этотъ карантинъ никого въ Саровъ не пропускаетъ. — и вообще наговорилъ ему, что тамъ де все неблагонадежно, чѣмъ привелъ своего слушателя въ большое смущеніе. Нужно думать, что ни одного этого красноярца лживый странникъ привелъ въ смущеніе о Саровѣ и что не мало такихъ темныхъ бродячихъ личностей ходить вдоль и поперекъ православной Россіи, зароняя болѣзненную тревогу въ сердца простыхъ и довѣрчивыхъ людей. Красноярдецъ предполагаетъ, что, благодаря злымъ навѣтамъ этихъ „нехорошихъ людей“, очень многіе не были на открытіи св. мощей Преподобнаго Серафима. Съ этимъ предположеніемъ, пожалуй, нужно и согласиться, благодаря тому тревожному, кѣмъ то невидимо и тайно навѣвавшемуся, настроенію, которое чувствовалось предъ самымъ временемъ открытія св. мощей Преподобнаго Серафима. Но очевидно, благодать Божія все преодолѣла и превозмогла всякіе вздорные и демонстративные слухи и навѣты.

Да, эти слывшіе въ народѣ „бывалые люди“, часто весьма темныя личности приносятъ нашему народу чистое горе своими злыми вымыслами и черными фабулами.

Къ этимъ странникамъ нужно еще отнести и лицъ, которые ходятъ по Святой Руси по такъ называемому „волчьему билету“. Эти послѣдніе весьма часто знакомятъ народъ съ социалистическими и анархическими бреднями, и народъ, привыкшій по своей непросвѣщенности и простой довѣрчивости, чутко прислушиваться ко всякому летучему слову, любящій накормить и обогрѣть странника, слушаетъ ихъ, какъ лицъ бывалыхъ, все видѣвшихъ и слышавшихъ. Эти озлобленные и подневольные странники весьма часто жестоко мстятъ за свое странничество; въ своихъ пространныхъ рѣчахъ не щадятъ они ни вѣры, ни государства, ни общества; они не стѣсняются говорить съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ о тѣхъ или иныхъ политическихъ преступленіяхъ, за которыя и понесли достойную кару. Очевидно, эти люди приносятъ тайный внутренній, но тѣмъ не менѣе сильный вредъ и вѣрѣ, и нравственности, и государственности нашего народа.

Къ глубокому сожалѣнію, жизнь и дѣятельность этихъ всевозможныхъ странниковъ, массами наводняющихъ Русь, часто вредно въ томъ или другомъ отношеніи вліяющихъ на народъ, всегда проходитъ безъ пастырскаго надзора и вліянія. Люди эти всецѣло вращаются въ народѣ нашемъ, среди него живутъ, съ нимъ говорятъ, отъ него питаются и одѣваются. Въ силу этого близкаго сопрікосновенія людей этихъ съ народомъ, пастырь долженъ знать ихъ, говорить съ ними и пастырски вліять на нихъ. Мы видимъ этихъ лицъ въ нашихъ храмахъ, въ нашихъ домахъ, въ домахъ нашихъ прихожанъ, на базарахъ и ярмаркахъ, и должны близко знакомиться съ ихъ внутреннею жизнью, входить въ сокровенное существо души ихъ, располагать ихъ къ себѣ, совѣтовать, утѣшать, ободрять и даже если нужно и можно пастырски угрожать, обличать, усовѣщевать ихъ. И нельзя намъ не обращать на нихъ вниманія, нельзя не считаться съ ними, если мы хотимъ вліять на народъ нашими пастырскими силами и средствами; по

жизни своей съ народомъ они такіе же намъ близкіе къ намъ люди, такіе же наши прихожане, хотя, быть можетъ, и временные—что изъ того,—какъ и народъ нашъ, среди котораго мы живемъ и трудимся. Не знать этихъ падшихъ людей, отказываться отъ какого-либо пастырскаго воздѣйствія на нихъ нельзя намъ, нечестно,—это будетъ своего рода рго форма нашей дѣятельности въ народѣ.

Правда, много изъ страствующихъ лицъ - падшихъ людей, которые не хотятъ ни знать, ни слушать насъ, которые всячески избѣгаютъ нашего глаза, но это доказываетъ только то, что они, даже эти падшіе люди, чувствуютъ свою нравственную зависимость отъ насъ, признаютъ въ душѣ и совѣсти нашъ авторитетъ, котораго они такъ стѣсняются, который такъ давитъ ихъ внутреннее, нечистое и фальшивое душевное состояніе ихъ, что они скрываются отъ насъ, а потому это ихъ отношеніе къ намъ не освобождаетъ насъ отъ пастырскаго вліянія на нихъ и не оправдываетъ никогда наше игнорированіе ихъ душевнымъ состояніемъ, ихъ вѣрой, нравственностью, ихъ дѣятельностью и жизнью въ нашемъ приходѣ.

Мы хотимъ сказать дальше больше того. Въ наши дни столь распространеннаго хожденія въ народъ, столь горячаго желанія образованія народа на европейскій ладъ, намъ пастырямъ нужно особенно близко и хорошо знать, что дѣлаютъ и говорятъ въ народѣ всю эти странники, иногда по виду—Божьи, а по душѣ—волчьяго билета; иногда весьма сочувствующіе антирелигіозной дѣятельности французскаго министра Комба. Намъ нужно употребить всю силу нашего пастырскаго надзора и вліянія на всѣхъ вообще лицъ странствующихъ по нашимъ приходамъ и особенно нужно смотрѣть, не встрѣчается ли среди нихъ, зараженныхъ старообрядчествомъ, сектантствомъ или какимъ-либо противогосударственнымъ вѣяніемъ, не вліяютъ ли они на народъ нашъ какъ-либо съ дурной стороны и не злоупотребляютъ ли его

душевнымъ доѣріемъ, знакомиться съ ними, отвлекать ихъ отъ вниманія народа и самихъ ихъ всячески убѣждать, наставлять, учить, дѣлать ихъ такими, чтобы они не могли принести какой-либо вредъ нишему народу, чтобы они были не опасны для вѣры, церкви и государства. Въ противоположность паломникамъ, путешествующимъ на богомолье и къ святынямъ по монастырямъ спѣшно, эти послѣдніе любятъ по-долгу гостить въ народѣ,—и вотъ нужно прислушиваться какъ-либо къ ихъ тайнымъ рѣчамъ, къ ихъ тревожно-шопотливымъ ораторствованіямъ въ полголоса на завалинахъ домовъ, и на травѣ въ церковныхъ оградахъ, и площадкахъ храмовыхъ палатей, узнавать ихъ рассказы, ихъ думы и мечты, въ слухъ обращенныя къ народу, и соотвѣтственно этому ихъ настроенію прилаживаться къ нимъ и вліять на нихъ.

Все это—безспорно трудная задача, но вѣдь какъ же иначе быть, если мы хотимъ только, чтобы пастырское воздѣйствіе наше на народъ не тормозилось какъ-либо со внѣ, не проходило бесплодно подъ вліяніемъ какихъ-либо стороннихъ, не затрагивающихся нами, причинъ.